

Лукьянов Аркадий Викторович, Рассолова Ирина Юрьевна, Сафонова Ольга Викторовна

ИДЕЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И ДУХОВНАЯ КАРТИНА МИРА

В статье исследуется идея дополнительности, которую предстоит концептуализировать и "вписать" в общекультурную, духовную картину мира. Различные духовные миры – этический, теоретический и т.д. – оказываются как бы дополнительными друг к другу, и, выступая как противоположные, эти типы духовного освоения мира могут постоянно "подпитывать" друг друга. Эта картина не исчерпывается ни духом "эстетизма", ни духом "теоретизма", ни духом, направленным на реализацию нравственных идей. Духовная картина мира отражает тот тип ценностей, который направлен на утверждение "всечеловеческих" ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 125-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**MECHANISMS OF THEMATIC STRUCTURES COUPLING
OF MACRO-HISTORICAL REALITY COGNITION****Ivan Vladimirovich Leonov**, Ph. D. in Culturology*Department of Culture Theory and History**Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen in St. Petersburg**ivaleon@mail.ru*

The author studies the “morphogenesis” of history meta-patterns, namely reveals and analyzes the mechanisms of consciousness thematic structures coupling that make the meta-patterns mentioned above, basing on the adaptive conception of intelligence development by J. Piaget conducts the analysis of the underlying factors that determine the occurrence of the integral views on macro-history, and in the context of the theory of the thematic analysis of science by J. Holton considers the private aspects of thematic couplings logic.

Key words and phrases: noogenesis; macro-history; meta-pattern; thematic structure; theme “pair”; “triplet”; thematic complex.

УДК 1/16.165

Философские науки

В статье исследуется идея дополнительности, которую предстоит концептуализировать и «вписать» в общекультурную, духовную картину мира. Различные духовные миры – этический, теоретический и т.д. – оказываются как бы дополнительными друг к другу, и, выступая как противоположные, эти типы духовного освоения мира могут постоянно «подпитывать» друг друга. Эта картина не исчерпывается ни духом «эстетизма», ни духом «теоретизма», ни духом, направленным на реализацию нравственных идей. Духовная картина мира отражает тот тип ценностей, который направлен на утверждение «всечеловеческих» ценностей.

Ключевые слова и фразы: идея дополнительности; концепция дополнительности и философско-культурные типы духовности; эстетизм, теоретизм, этизм как типы духовности; картинное, целостное видение противоположных друг другу миров; «положительная» и «отрицательная» картины мира.

Аркадий Викторович Лукьянов, д. филос. н., профессор*Кафедра философии и методологии науки**Башкирский государственный университет**olgasaf80@mail.ru***Ирина Юрьевна Рассолова**, к. филос. н., доцент*Кафедра философии, истории и права**Всероссийский заочный финансово-экономический институт**olgasaf80@mail.ru***Ольга Викторовна Сафонова**, к. филос. н.*Кафедра общеобразовательных дисциплин**Уфимский государственный авиационный технический университет**olgasaf80@mail.ru***ИДЕЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И ДУХОВНАЯ КАРТИНА МИРА[©]**

Исчерпывающее исследование идеи дополнительности с позиций диалектики требует рассмотрения данной идеи с точки зрения общекультурной или духовной картины мира. Ведь дух есть синтез всех сущностных, нравственных сил человека (любви, надежды на более справедливый мир, нравственной воли, милосердия), которые часто оказываются дополнительными друг к другу. Так, часто отстаивая принцип справедливости, мы должны исключать идею милосердия, и наоборот. Но этого не должно быть! Поэтому диалектический подход к действительности требует дополнительного описания принципов справедливости и милосердия.

Духовная картина мира, как мы полагаем, есть не только картина духовного бытия, но и картина существования (природного объекта, человека, общества), как нечто непреходящего [4, с. 10] и абсолютно ценного.

Тем не менее, при всей неисчерпаемости конкретных аспектов диалектического анализа идеи «дополнительности» и «духовной картины мира» мы призваны подумать о самом «ядре диалектики», которым является

«единство и борьба противоположностей», само диалектическое противоречие, насквозь «пронизывающее» духовную и социальную картины мира.

Так, особенностью духа современной нам эпохи выступает, зачастую, картинное, целостное видение противоположных друг другу миров (например, «эстетического», «этического» и «теоретического»), а также превалирование будущего над настоящим, сама ликвидация опосредствующих звеньев между эмпирическими (чувственными) и «сверхчувственными мирами», «мечтательность» как оппозиция чистой рассудочности и примитивно-прагматическому духу.

Мир эстетического связан с ориентацией личности человека на эстетические ценности жизни и искусства. Сила эстетического духа заключается в его способности оторвать человека от мира реальных забот, погрузить в игру, жизнеподобие которой как будто бы сулит иную, более прекрасную жизнь, полную очарований и радостного мироощущения [5, с. 79].

Необходимо заметить, что в условиях разделения труда эстетическое переживание обладает ценностью самопознания. Такое переживание, духовное страдание связано с раскрытием глубин самосознания и возможности видеть в существующем мире органическую целостность. С этих позиций сама социальная жизнь часто воспринимается как господство эстетического над всеми сферами социальной жизни, а этическое - как некая противоположность «эстетического», воспринимается как тот предел, как та граница, которая отражает человека от чрезмерности «эстетизма» и спасает при его утрате. Дух «эстетизма» привлекает человека тем, что существует в качестве «достоверности», не требующей никаких доказательств.

Однако дух «эстетизма», несмотря на то, что способен манить человека полнотой переживаний, зачастую принимается за весь мир. «Но, не будучи всем миром на деле, – замечает В. Г. Федотова, – он непременно рано или поздно обнаружит свою условность, односторонность, и человек встанет перед лицом действительного мира и действительной жизни» [Там же, с. 82].

Заметим, что эстетическое видение мира есть «оправданное видение», если, как пишет М. М. Бахтин, «не переходит своих границ» [1, с. 94]. Однако эстетическое претендует быть философским видением единого бытия в его, так сказать, «событийности». Поэтому такое видение неизбежно обречено выдавать некую абстрактно выделенную часть за всё действительное целое. И эта недействительность эстетического мира как мира «самодостаточного» обнаруживает себя по отношению к жизни точно так же, как абстрактное господство двух иных миров – «этического» и «теоретического».

Эти последние миры в «духовной картине мира», безусловно, воссоединяются, оказываются дополнительными друг к другу.

Теоретический мир строится с целью проникновения в сущность социальных и природных процессов. Причём исследователь стремится к тому, чтобы выявить общепризнанное и общезначимое в современном мире. Но духовность и есть, по существу, общезначимое, так что духовная картина мира стремится «охватить» истинную красоту, сделать её дополнительной по отношению к эстетическому и нравственному восприятию мира. Но теоретические конструкции (построения) соотносятся с действительностью по весьма непростым правилам (их объединяющая сила относится к сущности, а вовсе не к явлениям).

Поэтому, духовная картина мира сталкивается с гораздо большим разнообразием, чем это зачастую предусматривает сама теория. Там, где речь идёт о социальной теории, затрагивающей большие массы людей, интересы и образ жизни миллионов, теория может обнаружить свои возможности, отвечая потребностям социальных движений народных масс и вместе с тем чутко реагируя на те симптомы, которые возникают в социальной практике и которые могут привести к дестраиванию, к доработке теории, внесению в неё существенных изменений вплоть до её пересмотра.

Теоретизм, как и эстетизм, не является однородным образованием. Может быть романтически-критический «теоретизм», который противопоставляет жизни теоретически идеальное состояние с критической целью. В философии такая позиция весьма распространена. Здесь «теоретизм» несёт определённые черты эстетизма. Существует теоретизм догматический, который ищет в жизни теоретически возможное состояние и находит его вопреки жизненной очевидности. Здесь он сближается с эстетизмом. Есть схематичный теоретизм, вырождающийся до бездуховности, поскольку он вообще не ставит вопроса о связи теории с жизнью, а существует в мире схем или теоретической игры.

Эстетизм и теоретизм нам кажутся в равной степени однобокими конструкциями. Говоря о теоретическом мире, мы, как правило, противопоставляем ему ответственный поступок, т.е. «теоретизм» и «этизм», в принципе, должны быть дополнительными друг к другу. Спекулятивным (теоретическим) системам этики противостоит «практически-духовное» освоение мира в нравственной форме, которое на уровне личного бытия индивидов выступает в виде индивидуально-осмысленного морального поступка, уже не оторванного от реальной социальной жизни, а спаянного с её содержанием. Это позволяет видеть в этическом отношении к действительности не только «теоретизм», но и трактуемые в терминах самой социальной жизни моральные, нравственные установления.

Духовная картина мира характеризуется именно той особенностью, что, будучи реально обращённой к целому, не позволяет *пережить* целостность и полноту теоретического описания мира. В духовной картине и «теоретизм», и «эстетизм», и «морализм» (этический дух) достигают неразрывного единства. При этом «этизм» может быть религиозным; нерелигиозный «этизм» находит свои источники нравственных норм – в традиции, в социальной. Духовная картина мира, как синтез добра, истины и красоты, способна, в данном плане, сохранять и воспроизводить наилучшее. Этическое, при этом, не должно носить назидательного

характера. Так, человек, которого мы находим в произведениях Хемингуэя, не пытается освоить мир посредством моральных размышлений, а «ощущает» его сразу и как бы «телесно» [5, с. 94].

Другими словами, различные духовные миры – этический, теоретический и т.д. – оказываются как бы дополнительными друг к другу. Выступающие как противоположные, эти типы духовного освоения мира могут постоянно «подпитывать» друг друга. Так, за видимым «этизмом» может скрываться эстетизм, имеющий корни в «самолюбовании», которое зачастую прячется за критикой других людей, их морального несовершенства.

Вместе с тем «эстетизм» может быть формой страстного, окрашенного чувством «этизма», когда вся полнота переживаний оказывается связанной с любованием людьми, нравственной любовью к ним.

Картина мира, заметим, уже сама по себе духовна, поскольку, как замечает Б. С. Галимов, представляет собой систему «теоретизированных объектов» о практически и теоретически осваиваемом человеком материальном мире [2, с. 54]. Тем не менее, мы должны исходить, прежде всего, из самой актуальности понятия «духовной картины мира» для анализа всей совокупности явлений общекультурного, социального и духовного космоса. В этом плане можно рассмотреть понятие «духовного мира», которое включает в себя как «дух» современной эпохи, так и духовный мир отдельного человека.

Многие философы, размышляющие о «духе» вместо того, чтобы осмысливать дух в плане достигнутой степени предельного обобщения знания причин возникновения мира, только «выталкивают» мир как бы за «скобки» духовного бытия. В результате не сам мир оказывается бытийствующим, а само сознание, самосознание. В результате мы имеем дело с чисто «гносеологической» картиной мира.

Идея дополнительности, которая объединила классические понятия и квантово-механическую реальность, природу света и корпускулярно-волновой дуализм, а также позволила, в определённой степени, преодолеть разногласия внутри копенгагенской школы, нацелена на такую стадию формирования «духовной картины мира», где господствует исключительно знание. Человек оказывается ему как бы подчинённым. Сам человек, в принципе, владеет знанием, но когда знание владеет им, речь идёт об отрицательной «картине мира». Позитивная же картина стремится осмыслить не только то или иное явление, но и выработать представление о должном, нравственном бытии. Картина мира при этом рассматривается как система нравственных ориентаций человека.

Духовная картина мира, вырастающая из идеи дополнительности, стремится удержать с помощью идеи духовного все исторические формы времени как бы на «одном месте». Ведь дух, объединяя все народы в «одну великую семью», задерживает «на одном месте значительную часть хронологического времени» [6, с. 378]. Личность человека не только заставляет остановить течение времени, но и выйти за его пределы в сферу «всечеловеческих ценностей». Вопрос заключается не в том, выражает ли наше суждение саму действительность, как если бы оно было высказано несколько столетий назад или несколькими столетиями позднее, а *только в том, соответствует ли оно ей, т.е. действительности, сегодня?*

После этого предварительного замечания мы только и можем перейти к решению задачи определения духовного образа мира, который просто немислим вне целостного охвата переживаемой нами эпохи. Можно, видимо, определить данный принцип согласования идеи дополнительности мышления с духовной (интеллектуальной) картиной переживаемой нами эпохи. Идея дополнительности оппозиционна «слепому авторитету», в который превращается «разумный инстинкт». Человеческий род лишь постепенно делает себя свободным, причём то в одном, то в другом индивидууме, то от одного, то от другого объекта, по отношению к которому авторитарный разум становился в оппозицию к свободе [Там же, с. 378-379]. Орудием данного освобождения от авторитарных форм правления и авторитарной (технократической) личности выступает само понятие свободы как идея, которая преодолевает инстинкт как что-то противоположное понятию. Современная социальная и духовная жизнь заключена в разумной вере освобождения от слепого повиновения страстям. Именно поэтому основная «максима» тех, кто находится на «высоте эпохи», состоит в том, что понятно и «ясно просматривается».

Но наступает день, когда человеческий род перестаёт довольствоваться понятным, приятным и удобным. Наша эпоха «делает мериллом бытия своё неизменное, уже готовое понимание»; напротив, «эпоха науки», которая сменяет эпоху голой и примитивной рассудочности, «делает бытие мериллом понимания» [Там же, с. 379]. При этом бытие понимается как бесконечная задача, которую нам ещё необходимо выстрадать и выполнить. Эпоха «науки» как бы объёмлет своим «понятием» без исключения всё, даже абсолютно непонятное, которое она и выделяет в качестве такового. Ведь «непонятное» и существует для того, чтобы овладеть границами понятного. Тем самым «непонятное» приобретает уверенность в том, что всё оно исчерпано [Там же].

И. Кант и И. Г. Фихте, развивая трансцендентальную парадигму, постепенно лишили «дух» онтологического статуса, осуществив рефлексию над самим процессом познания. Идея дополнительности в этом плане исходит не из противопоставления духовности и чувственности, а из развития «чувственности» в направлении духовности. Духовная картина мира есть, в сущности, сам мир, воспринимаемый через «призму» универсальной чувственности, или духовности.

Духовная картина мира, таким образом, есть не только целостный образ мира, но и разум, который «без рассудка есть ничто» [3, с. 541]. Но рассудок и «без разума» есть нечто. Диалектика в настоящее время остро нуждается в рассудочных правилах. Но она как бы «снимает» формальную логику, причём так, что сохраняет её в границах более высокого способа, стиля мышления.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984-1985 гг. М., 1986. С. 80–160.
2. Галимов Б. С. Картина мира и научная теория // Формирование и функционирование научной картины мира. Уфа: Изд-е БашГУ, 1985. С. 51-59.
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2-х т. / сост., общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
4. Рассолова И. Ю. Духовная картина мира: социально-философский аспект: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 1997. 24 с.
5. Федотова В. Г. Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1991. 134 с.
6. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Соч.: в 2-х т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. 1485 с.

IDEA OF COMPLEMENTARITY AND SPIRITUAL PICTURE OF THE WORLD

Arkadii Viktorovich Luk'yanov, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Philosophy and Methodology of Science
Bashkir State University
 olgasaf80@mail.ru

Irina Yur'evna Rassolova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy, History and Law
All-Russian Correspondence Institute of Finance and Economy
 olgasaf80@mail.ru

Ol'ga Viktorovna Safonova, Ph. D. in Philosophy
Department of General Disciplines
Ufa State Aviation Technical University
 olgasaf80@mail.ru

The authors research the idea of complementarity, which is to be conceptualized and “included” in general cultural, spiritual picture of the world. Various spiritual worlds - ethical, theoretical, etc. - are as if complementary to each other, acting as opposite, these types of the spiritual development of the world can constantly “feed” each other. This picture is not exhausted either by the spirit of “aestheticism” or the spirit of “theorism” or the spirit aimed at the implementation of moral ideas. The spiritual picture of the world reflects the kind of values that is directed to the consolidation of “all-human” values.

Key words and phrases: idea of complementarity; conception of complementarity and philosophical-cultural types of spirituality; aestheticism, theorism, ethism as types of spirituality; pictorial, integral view of worlds opposite to each other; “positive” and “negative” pictures of the world.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье освещается вопрос влияния русско-турецкой войны 1768-1774 гг. на внутривосточную обстановку на Северо-Восточном Кавказе. Показаны попытки России и Турции в период войны привлечь на свою сторону народы Кабарды, Чечни и Дагестана. Выявлено, что Российская империя, учитывая сложную международную обстановку, проводила в регионе осторожную политику, акцентируя внимание на дальнейшем укреплении и расширении экономических отношений с северокавказскими народами. Кючук-Кайнарджийский мир имел большое политическое значение для всех народов Кавказа, ослабив влияние Турции на народы Северо-Восточного Кавказа.

Ключевые слова и фразы: Северо-Восточный Кавказ; внешняя политика; Русско-турецкая война; Кючук-Кайнарджийский договор; Кизляр; Чечня; Ингушетия; эмиссары; агитация; политическая ориентация.

Кемси Зелимхановна Махмудова

Кафедра истории мировой культуры и музееведения
Чеченский государственный университет
 kemsi@bk.ru

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768-1774 ГГ.
 И НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА** ©

Одной из важных задач, стоящих сегодня перед отечественной исторической наукой, является глубокое и всестороннее изучение многовековых взаимосвязей и взаимоотношений народов Российской Федерации.